

E $\frac{70}{124}$

124
8 10
107

0

СЛОВѢ БОЯРИНѢ.

А
СОЧИНЕНІЕ

М. Венедикта.

МОСКВА.

1847.

СЛОВЪ БОЯРИНЪ.

Сочиненіе

ДОБРОУМЪРЕННАГО ЧЛЕНА

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

Ю. Венедикта.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

Въ Библиотекѣ Московскаго Публичнаго
и Румянцевскаго Музеевъ отъ Ст. Сов.
Ивана Молчанъ, въ 1869 году.

По опредѣленію Общества. Мая 31-го дня, 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянский.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

2007056738

СЛОВѢ БОЯРИНѢ.

Въ Июльской книжкѣ (1834 г.) Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣщена статья (стр. 58—71) Казанскаго Профессора Г. Булыгина „О происхожденіи наименованія Бояринъ или Боляринъ.“

Сперва излагаетъ онъ различныя мнѣнія :

- 1) *Татищева* и *Болтина*, которые слово *Бояринъ* производятъ отъ Сарматскаго (!) *Поарикъ* ;
- 2) *Успенскаго*, изъ *бой* и *ярый* ;
- 3) *Карамзина*, просто, отъ *боя* ;
- 4) Сочинителя Исторіи Русскаго народа, только указанія на чужія мнѣнія ;
- 5) *Г. Булыгинъ*, желая изложить свое мнѣніе, говоритъ, что, „если производить слово *Бояринъ* изъ чужеплеменнаго языка (какъ дѣлали *Татищевъ* и *Болтинъ*), то, на томъ же основаніи, можно произвести и отъ Норманскаго *Ярлъ* (собственно, *арлъ*, *earl*),“ и, въ слѣдствіе этого, пересчитываетъ, въ сочиненіяхъ Кокереля, Капфига и Тьерри, мѣста, въ коихъ упоминается слово *ярлъ* (графъ), на что намекаетъ и сочинитель исторіи Русскаго народа (62—63).

„Не смотря, однако жъ, на выставленное сходство Бояръ съ Ярлами,“ продолжаетъ Г. Булыгинъ, „производство первыхъ (*Бояринъ*) отъ послѣднихъ (*earl*) было бы нѣсколько странно, заключа въ себѣ половину корня изъ языка Славянъ, а другую изъ языка Скандинавовъ. Охотнѣе бы можно было всякому принять совокупленіе двухъ однородныхъ словъ, приведенныхъ изъ Опыта (Успенскаго) о Росс. Древн., т. е., *бой*, *ярый*.“

„Но, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой нужды брать въ помощь второе слово, а слѣдуетъ инымъ образомъ пояснить догадку Карамзина и прочихъ, какъ подходящую къ истинному источнику, но еще недоказанную, и отъ того остающуюся въ области сомнѣнія.“

„Чтобы привести въ надлежащую ясность такое слово-производство, нужно обратиться, во первыхъ, къ *формованію* наименованія *Бояринъ*, а во вторыхъ къ *сличенію* его съ другими подобнаго рода реченіями.“

„Тогда откроется ясно, что *бой* составляетъ первую половину слова, а *яринъ* вторую.“ Это все, отчасти, *резонабельно*.

Г. Булыгинъ справедливо замѣчаетъ, что *Бояринъ* образовалось по той же формѣ, по которой и *дворянинъ*, *мірянинъ*, *поселанинъ*, *горожанинъ* и проч. Казалось бы, что достаточно было этого указанія *этимологическаго*; и не понимаю, почему Г. Булыгинъ поставилъ себя въ обязанность объяснять и доказывать, почему въ словѣ *Бояринъ* находится буква *р* (стр. 65—69). Вопросъ очень мѣлочень, а объясненіе ему дано весьма неловкое. Следовало въ словѣ *Бояринъ* отличить двѣ формы *Славянскія*—*Этимологическія* *арь* или *ярь* (*писарь*, *овчарь*, *млинарь*), и *инъ*; тогда бы вышло *бой*, *боляръ*, *боляринъ*. Однако же, производное отъ *бой* ни въ просторѣчій Русскомъ, ни въ письменныхъ памятникахъ никогда не встрѣчается на *яръ*, а на *ецъ* (*боецъ*); следовательно, это слово не существовало, ибо не происходило отъ *бой*, или, по крайней мѣрѣ, оно не Русское. Кромѣ того, Русскіе послѣ *арь* никогда не налагаютъ формы *инъ* или *янинъ*; наконецъ, эту послѣднюю форму Русскіе употребляютъ только въ смыслѣ *матронимическомъ* (*баба*—*бабинъ*), или для указанія на мѣсто происхожденія (*Дворъ*—*Дворянинъ*, *городъ*—*горожанинъ*, *Кіевъ*—*Кіевлянинъ*, *вм.* *Кіевецъ* и проч.). Но въ словѣ *Бояринъ* не видѣнъ ни тотъ, ни другой случай. И такъ, это слово принадлежитъ не Русскому, а какому-либо другому *Славянскому* нарѣчію. Посему

б) Я долженъ бы изложить, въ концѣ, свое собственное мнѣніе; но, если мнѣніе есть не иное что, какъ только догадка, то я удержусь отъ подаванія мнѣнія, и удовольствуюсь указаніемъ на подлинныя факты относительно образованія и введенія въ употребленіе этого двухъ-формнаго слова.

Слово *Бояринъ* пишется, и писалось, *Болъринъ*; произносится и *Болеринъ* и *Боляринъ*. Слово это принадлежитъ *Болгарскому* нарѣчію, въ которомъ, нынѣ, *Болъринъ* означаетъ то, что мы понимаемъ подъ словами *Господинъ* или *Баринъ*. *Болъринъ* употребляютъ Болгаре и подъ другою формою: *Болърецъ*; при-

лагательное : *Болѣрскій*. Сколько помню, приведу этому примѣры :

Въ Варнѣ посѣщаль меня одинъ офицеръ въ мое отсутствіе изъ дому; хозяйка дома, Болгарка, докладываетъ мнѣ: *Тукъ дойде единъ болѣрецъ, та вы пыта; пакъ азъ му казахъ, чи отидохте на монастырь, т. е., Здѣсь былъ одинъ Господинъ, и спрашивалъ васъ; а я ему сказывала, что вы ушли въ монастырь. Одинъ Разградскій уроженецъ, Стоянъ Минко, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ видѣлъ одного корпуснаго командира, окруженнаго офицерами: Тай столяше Генералецъ съ много болѣри.* Другой, разсказывая, что квартировалъ у него офицеръ, для означенія его Штабъ-офицерской степени, прибавилъ, махнувъ себѣ рукою надъ плечомъ: *Той бѣ по-гольмъ болѣринъ, т. е., онъ былъ больше Господинъ (чиновникъ), нежели другой, какихъ много, въ плоскихъ эполетахъ. Третій повѣствовалъ, какъ онъ пасъ въ молодости, около Куприщицы, въ Македоніи, Пашинскихъ лошадей, и какъ напали на нихъ (пастуховъ) кырджалии, та избише два конѣрие, та уведоше болѣрски (т. е., Пашинскіе) коніе.*

Однако, выраженіе „Государь мой,“ или „Сударь,“ Болгаре, въ просторѣчій, переняли Турецкое: *Еффендимъ*, на примѣръ: *Не-знамъ, еффендимъ, колко има желтицы, т. е., Не знаю, сударь, сколько у него червонцевъ.*

Слово *болѣринъ* происходитъ отъ сравнительной степени прилаг. *великій*, т. е., отъ *болѣе* или *большій*. Простой народный смыслъ (образъ мыслить) обыкъ выражать всякое преимущество, силу, власть, болѣе естественными и приличными изъ тѣхъ прилагательныхъ, которыя у него находятся подъ рукою; я хочу сказать, прилагательными *великій, старій, высокій, или, лучше и естественнѣе, сравнительною ихъ или превосходною степенью: большій, старшій, или старѣйшій, высшій, лучшій*. Всякій народъ, всякое племя, выбираетъ, для выраженія своей идеи, одно изъ этихъ, или другихъ, подобныхъ имъ, прилагательныхъ; приложитъ форму словопроизводную, свойственную его нарѣчію, и имя готово. Такъ, на примѣръ, Южно-Русскій народъ, подъ выраженіемъ: *онъ его старшій*, подразумеваетъ: онъ его начальникъ. Вотъ почему Южане имѣютъ чинословное: *староста*; Сѣверяне: *старшина*, или *старѣйшина*. У Нѣмцевъ этому есть буквальный переводъ въ словъ *Graf* или *Grav*; у Итальянцевъ, *Signor*; у Французовъ, *Seigneur*, оба отъ *Senior* и *Senator*, Ла-

тинскаго. Другіе предпочитаютъ другое прилагательное, на пр., *великій* или *большій*, которое выражаетъ вмѣстѣ и старшинство и силу (кто между вами больше, тотъ пусть и дѣлаетъ вамъ расправу), такъ что *величіе* или *величество* выражаетъ высшую степень власти, силы, чиноположенія. Такимъ образомъ, въ средніе вѣки, Европейскіе народы отъ этого прилагательнаго образовали нарицательное названіе своей аристократіи: *Magnas*, *Magnates*, отъ *magnus* (великій); или *Гранды* Испанскіе, отъ *Grandis* (великій); другіе опять, отъ слова *высокій* (*procerus*), *Proceres Regni*, какъ это часто встрѣчается въ актахъ Венгріи; другіе, въ свою очередь, отъ прилаг. *лучшій*, *самый лучшій* (*melior*, *optimus*): *Res in Comitibus Regni ab Optimatibus constitutae*, и проч., или, Anno Domini 1269 in Halsingborgh in Parlamento per dominum regem Ericum de consilio *meliorum regni Daniae* celebrato statutum est, etc. etc.

Итакъ, всякій народъ выбираетъ прилагательное простѣйшее и ближайшее къ понятію своему о силѣ и власти; такимъ образомъ, Южно-Россы, человека богатаго и сильнаго называютъ *великомощнымъ*, Полякъ *вельможнымъ*, Велико-Россы *Вельможею*; всѣ три по Латыни *magnificus*, *magnas*, *магнать*, какъ говорится *.

Болгаре, напротивъ, образовали отъ сравнительной степени (*magnus*, *великій*, *maior* *больше*) свое *болъръ* (*maior*, *майоръ*). Форма на *арь*, *ярь*, *тьрь*, *ерь* у Болгаръ простонароднѣе, то есть, употребительнѣе, нежели у Россіянъ; ибо они и тамъ ее употребляютъ, гдѣ сѣи послѣдніе прибѣгаютъ къ другой формѣ. Вообще, *арь* выражаетъ свойство, или родъ занятія, на пр., *писарь*, *книгорь*, *овчерь*, *подрумарь* (смотрящій за дорогами), *другарь* (спутникъ, товарищъ), *кабларь* (сборщикъ податей), *винарь* (сборщикъ десятины винограду), и проч. По этой же формѣ образовалось *болъръ* съ удержаніемъ генетическаго *ль*. Слѣдственно, *Болъръ* у Болгаръ есть тоже, что у Русскихъ *Вельможа*, *Magnas*, *Грандъ*. Наконецъ, къ *Болъръ* приложена форма *инъ*, — *Болъринъ*.

Слово *Болъринъ* исключительно принадлежитъ одному Болгарскому нарѣчію; оно не употребительно ни въ Сербскомъ, ни въ Кроатскомъ, ни въ Далматскомъ, ни въ Русскомъ, ни въ какомъ другомъ Славянскомъ нарѣчіи, въ коихъ идею власти выражаютъ другими словами. Кромѣ этого филологическаго факта, Болгарское происхожденіе слова *болъринъ* доказываетъ лишнее окончаніе

* А нынѣшніе Сербы отъ этого же прилагательнаго, *велий*, произвели *великашъ*. О. Бодянский.

инъ, т. е., Болгаре до того пристрастны къ формѣ *инъ* или *анинъ*, что ставятъ ее и тамъ, гдѣ она не нужна. Конечно, они имена народовъ, или лицъ, по ихъ происхожденію, правильно оканчиваютъ, на пр., Селунининъ, Россіянинъ, Болгаринъ, Таліанинъ и проч.; однако, они подъ эту форму подводятъ и тѣ имена, которыя въ Русскомъ употребительны и безъ *инъ*, на пр., *Турчинъ*, *Сербинъ*, *Жидовинъ*, *Угринъ* (Венгръ) и проч. Этого мало; названіе офицерскихъ чиновъ сгибаютъ очень часто по своему: *майоринъ*, *офицеринъ*; прилагаютъ даже это окончаніе и къ такимъ именамъ, коихъ форма и значеніе имъ извѣстны; такъ, на пр., хотя знаютъ, что *Московъ*, употребляемое Турками, значитъ Россіянинъ; хотя это же слово выговариваютъ еще иначе (*Московецъ*), все таки говорятъ и *Московинъ*; такъ и къ Турецкому *Сейменъ* (общественный стражъ),—*Сейменинъ* и проч.

Итакъ, появленіе *инъ* окончанія въ словѣ *Болъринъ* (или *Боляринъ*), есть чистый и (второй) исключительный Болгаризмъ.

Что касается до правописанія этого слова, то я повторю, что оно должно писаться *Болъринъ*; выговаривается самими Болгарами, смотря по провинціи, двояко: *Болеринъ* и *Боляринъ*, ибо Болгаре *ъ* весьма часто, преимущественно въ однесложныхъ и производныхъ, произносятъ какъ *я*: *хлябъ*, *място*, *бѣше*, *блѣскавица*, вмѣсто *хлябъ*, *мѣсто*, *бѣше*, *блѣскавица*; не смотря, однако, на выговоръ, пишутъ *ъ*.

Обратимся теперь къ исторіи этого имени. Путь, которымъ это имя переходило изъ царства Болгарскаго въ царство Русское, было княжество *Басарабское* (Валахія) и *Молдавское*. Мы должны здѣсь замѣтить, что Басарабъ, или нынѣшняя Валахія, была удѣломъ князей Болгарскаго царствующаго Дома. По паденіи, въ царствованіе *Страшимира*, Болгаріи подъ иго Турецкое (въ концѣ XIV вѣка), одинъ Басарабъ оставался за Болгарами: въ немъ — то, съ 1340 годовъ до XVIII вѣка, или до возведенія *Фанаріотскихъ Грековъ*, царствовала линія *Владиславлевичей*. Между тѣмъ, Молдавское княжество образовалось отдѣльно; столицею его былъ городъ *Соцава*, что нынѣ въ *Буковинѣ*, у границъ Молдавіи. Молдавія населяема была Русскимъ племенемъ, извѣстнымъ у *Нестора* подъ именемъ *Тиверцевъ* и *Угличанъ*. По нашествіи Татаръ, большая часть жителей бѣжала въ *Карпатскія* и *Трансильванскія* горы. Часть потомковъ этой *Тиверской* и *Углицкой* Руси и доселѣ существуетъ въ самой

гористой части Буковины и Станиславовскаго округа въ Галиціи, въ Мараморошскомъ и Угочевскомъ жупанствахъ въ Венгріи; извѣстны они подъ именемъ *Мараморошской Руси*, числомъ около 100,000; эта отрасль Русскаго народа, въ одѣяніи, въ ухваткахъ, нравахъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ Русскихъ племенъ; по древнѣйшему ихъ сосѣдству съ Болгарами, какъ Задунайскими, такъ и Басарабскими, эта вѣтвь представляетъ въ себѣ много Болгаризмовъ. Другая же часть Тиверской Руси, простиравшейся по рѣкѣ *Серетъ*, разбрелась отъ Татаръ по Трансильваніи и Болгаріи, гдѣ и потеряла свою народность. По прекращеніи Татарскаго нашествія на Молдавію и Венгрію, бѣжавшая въ горы Карпатскія Русь опять спустилась на равнины по рѣкамъ *Сочавъ* и *Молдавъ*; между тѣмъ какъ приморская часть той страны осталась впредь, изъ опасенія отъ Татаръ, необитаемою. Такъ образовалось княжество Сочавское, названное *Молдавскимъ*. Всѣ акты или дѣла въ Басарабскомъ Государствѣ, до XVIII столѣтія, производились на *Болгарскомъ* нарѣчій, а въ Молдавскомъ княжествѣ на *Русскомъ* (Южномъ).

Итакъ, слово *Бояринъ*, въ Басарабскихъ или Волошскихъ Актахъ, постоянно пишется *Болъринъ*, по Болгарскому или подлинному его правописанію, на примѣръ:

Въ Грамотѣ Господаря *Влада*, отъ 1441 года, отъ 30 Іюня, данной Снѣговскому монастырю объ увольненіи его отъ разныхъ повинностей областныхъ, между прочимъ, сказано: освобождается имѣніе его „отъ овчинъ вамы, отъ свининъ вамы, отъ пчеларства, отъ кѣбларства, отъ винарича, и отъ дижмы отъ сѣна и отъ сѣнокоса, отъ повоза отъ подводъ рекше отъ всакия службы и дажбы, елика се находятъ въ земли Господства ми И да не сметь позабавити тіази села ни судець, ни глобникъ, ни бирчій, ни кто отъ *болъръ* и отъ слугъ Господства ми, посилаемыхъ по милостѣхъ“ и проч.

Или, въ Грамотѣ Господаря *Александра Мирчевича*, данной 1573 года, Октября 23: „Почтенному властелину и пръвому свѣтнику, Жупану *Драгомиру*, великому Дворнику“ объ утвержденіи за нимъ спорныхъ его вотчинъ, надъ которыми наряженъ былъ Боярскій судъ изъ 12 Бояръ, о дѣйствіи коихъ говорится слѣдующее: „*Таже те 12 БОЛЪРИ* суть ходили и гледали и истиниствовали суть, како есть покупили *Скуртулъ Армашь* тѣчию една ужѣ дела (участка) *РАДИВОЕВА* и отъ ужа *ДРА-*

Кипъзю и *Кипъжати*, между тѣмъ какъ въ другихъ словахъ (*Кролевъ Казимировъ*) вмѣсто и (*Кролеви Казимирови*), по обычаю Южно-Русскому.

Здѣсь должно замѣтить, что въ Актахъ Молдавіи несравненно чаще пишется *Болри* вмѣсто *Болпри*. Причина этому въ томъ, что жители Молдавіи произносили это Болгарское слово не такъ, какъ сами Болгаре. Это случается обыкновенно со словами, переходящими изъ племени въ племя, изъ нарѣчія въ нарѣчіе. Не должно забывать, что Молдавію и Валахію населяли отчасти и Волохи, постоянно умножаясь новыми выходцами изъ Трансильваніи, ихъ главнаго жилища съ 810 годовъ, такимъ образомъ, въ этихъ двухъ странахъ произошла борьба между двумя языками, Болгарскимъ и Русскимъ съ одной, и Волошскимъ съ другой стороны. Такъ какъ Славяне имѣютъ необыкновенную способность изучать легко чужіе языки, а Волохи, напротивъ, гораздо труднѣе ихъ изучаютъ, и гораздо приверженнѣе къ своему языку, нежели Славяне, то въ этой борьбѣ между языками, по естественному слѣдствію, Славянскій долженъ былъ уступать постепенно Волошскому, такъ что Молдавія оволошилась до половины, а Басарабъ или Валахія почти вся, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Оволошеніе Болгарскихъ и Русскихъ Славянъ успѣшнѣе происходило въ XVIII столѣтіи, когда Славянскій языкъ былъ Фанаріотскими Греками изгнанъ какъ изъ церквей, такъ и изъ судилищъ. (Извѣстно, что такимъ же образомъ происходило и исчезаніе Славянъ Померанскихъ).

И такъ, въ числѣ множества словъ Болгарскихъ и Русскихъ, принятыхъ въ Волошскій языкъ вмѣстѣ со всею гражданскою титулатурою, перешло и слово *Болприинъ* или *Боляринъ*. Слова эти въ другомъ языкѣ, болѣе или менѣе, должны были измѣниться, согласно съ причудами Волошскаго выговора. Такъ, на примѣръ, въ Болгарскомъ царствѣ было, между прочими, достоинство придворнаго *Дворника* (*Hof-meister*, *Magister Curiae Regiae*), *Погарника* (отъ слова *погаръ*, стаканъ, *Mundschenk*, *Magister Pincernarum*); эти слова Волохи переладили въ *Ворникъ*, *Пахарники*; *Воевода* въ *Вода*; *Боляринъ* у нихъ превратилось въ *Бояринъ*, потому что они и въ собственныхъ Волошскихъ словахъ избѣгаютъ умягченное *л*; такъ, на примѣръ, вмѣсто *Femella* (женщина) говорятъ *фемелъ*, вмѣсто *muliere* пишутъ *Мутре*, какъ и Французы, вмѣсто *raille*, *aïlle* говорятъ *пай*, *ай*. Волохи даже отбро-

сили и окончаніе *инъ*, удержали однако ъ, которое произносятся какъ *я*, слѣдуя, въ этомъ, Болгарамъ; пишутъ: *унъ бопръ*, одинъ бояринъ; *бопре*, *боприле*, чит. *бопръ*, *бойеръ*, *бойериле*.

Кромѣ этого преобразованія слова *Болъринъ* въ языкъ Волошскомъ, могло произойти еще другое въ языкъ Русскомъ. Остается вопросъ, какъ могло бы измѣниться Болгарское слово въ Русскомъ языкъ, когда множество другихъ Болгарскихъ словъ изъ Церковнаго языка привилось въ цѣлости на Русской почвѣ? Я не вижу никакой словопроизводной причины, по которой бы Русскій языкъ могъ допустить измѣненіе Славянскаго *Болъринъ* въ *Бояринъ*. Не смотря на это, Русь приняла измѣненное *Бояринъ*; единственная причина этому въ томъ, что измѣненіе не Русскаго слова не производило боли въ Русскомъ ухѣ; сверхъ этого, такъ какъ *Бояринъ* представляетъ сродственное созвучіе съ *бой*, или *бояться*, то и допущено въ техническомъ значеніи Гражданской титулатуры. Но это только причина, по которой *Бояринъ* только допущено въ Русскій языкъ; Молдавская Русь, а за нею и вся Россія, переняла это слово, по наслышкѣ, съ устъ Волошкаго племени, съ которымъ она жила почти въ смѣси; а для уха Русскаго все равно было принимать это слово по Болгарскому, или по Волошскому выговору. Да еще, кажется, она должна была предпочесть послѣдній, потому что, по Болгарскому, *Бояринъ* названіе сана, какъ созвучное глаголу *болѣю*, не представляетъ ничего здравому смыслу; а объ сравнительной степени (*болѣе*) Южная Русь не могла думать, потому что произносить не *болше*, а *бильше*, *бульше*.

Нѣкоторые ученые дѣлали свои догадки о древности слова *Бояринъ*, что, де, оно встрѣчается у Нестора при Владимирѣ Великомъ, а по другимъ, еще древнѣе въ Болгаріи, отъ того, что Греческія лѣтописи называютъ Βοῦλαδον Вельможъ, сопровождавшихъ, въ 764 году, Болгарскаго Владѣтеля къ Греческому Императору. Если Несторъ упоминаетъ это слово ко времени Владимира Великаго, то это доказываетъ, что *Бояринъ* было употребительно на Руси уже въ исходѣ XI вѣка; и почему не допустить, что и во время Владимира, или Святослава. Впрочемъ, хотя и не имѣемъ именныхъ свидѣтельствъ объ этомъ словѣ изъ Эпохи до-Христіанской въ Болгаріи и Россіи, однако, оно такого рода слово и понятіе, что спрашивать о его древности значило бы тоже, что и изысканіе о древности слова *носъ*.

Но совсѣмъ другой вопросъ будетъ: *Какимъ образомъ слово бояринъ распространилось изъ Болгаріи по другимъ племенамъ, и какое значеніе имѣло оно, т. е., на какихъ правахъ находилось боярство въ разныхъ странахъ Восточной Европы, по которымъ оно распространилось?* Вотъ вопросъ, на который не найдешь удовлетворительнаго отвѣта ни въ словопроизводствѣ Карамзина, ни Г. Булыгина, утверждающаго, что „въ сихъ двухъ словахъ (бой и ярий) совершенно выражается качество боярина, какъ бы управляющаго ходомъ боя.“ По Г. Булыгину забылъ, что люди, *управляющіе ходомъ боя*, назывались народнымъ именемъ, *Воеводами*.

Не стану распространяться объ этомъ вопросѣ, для рѣшенія котораго должно бы подробно выискнуть во внутреннее устройство Восточно-Европейскихъ обществъ среднихъ вѣковъ. Состояніе *боярства* (аристократіи) было различное, и развивалось при различныхъ обстоятельствахъ въ Болгаріи, Венгріи, Басарабѣ, Молдавіи, Литво-Русскомъ Великомъ Княжествѣ и Царствѣ Московскомъ.

Феодализмъ Западной Европы имѣетъ, отчасти, другой отъѣнокъ отъ *боярства* (le boyarisme, la grandezza des Slaves) Восточной, ибо оба происходили изъ двухъ разныхъ источниковъ.

Въ VIII и IX вѣкѣ вся Европа раздѣлена была на двѣ колоссальныя Имперіи, Имперію Западную, Карла Великаго, и Имперію Восточную, Болгаро-Русскую, Аттілы. Сей последней нанесли два сильныхъ удара, Карлъ Великій и Олегъ. По свидѣтельству Арабскихъ писателей (утверждающихъ, что Болгаре говорили на одномъ языкѣ съ Козарами, а по словамъ Пѣнь-Фоцлана, на Славянскомъ) Болгаре владѣли по Вятту; по свидѣтельству Русскихъ Лѣтописей по Могилевъ и Витебскъ; по свидѣтельству Греческихъ, Адрианополь, Салоники и Лѣнны; и, наконецъ, по словамъ Франкскихъ, взымали подать по Богеміи, Баваріи и Саксоніи, гдѣ и содержали на квартирахъ войска свои.

Имперія Аттілиа была прочнее и долговременнее; Аттіла имѣлъ нѣсколько великихъ преемниковъ: *Болна*, *Карана* (противника Карла Великаго), *Владимира II* (въ крещеніи Симеона, сопостата Олегова), и *Самуила Мокраго*. Карлъ Великій не имѣлъ великихъ преемниковъ, и Имперія его вскорѣ разстроилась.

Замѣтимъ мимоходомъ, что три человека двигали жизнь Европейскаго человѣчества въ продолженіе почти 1900 лѣтъ:

Юлій Цесарь, Аттила и Карлъ Великій. Первый установилъ и упрочилъ то диктаторское давленіе, которое оказывагь всегда Римъ на внутреннее устройство народовъ, окружавшихъ Имперію. Кажется, что независимыя племена, примыкавшія къ предѣламъ Имперіи, по одному отталкивающему вліянію Римскихъ пограничныхъ войсковыхъ линій, должны были превратиться въ разбойничьи пѣздническія шайки. Со времени Юлія Цесаря не было между Римлянами и независимыми племенами ни Актовъ, ни договоровъ, ни сдѣлокъ, ни честнаго слова; и тѣмъ и другимъ стоило только собраться въ известномъ мѣстѣ, пересправиться черезъ линію, ограбить, сжечь окрестности, угнать скотъ, людей, возвратиться съ добычей, или быть прогнанными обратно: *Barbari victi atque intra fines suos repulsi*: вотъ постоянный исходъ войнъ народовъ съ Римлянами. Подобное, постоянное, такъ сказать, черкешенствованіе стѣсняло народы, остервеняло ихъ, не позволяло развиваться ихъ общественности; постоянная тревога отъ легкой нарушимости спокойствія, война и грабежъ поглощали все другія занятія и постановленія народовъ: не было настоящей торговли и промышленности, кромѣ грубой мѣны въ пограничныхъ городахъ. Если иное племя, пользуясь дружбою и миромъ съ Римомъ, стало процвѣтать, то не могло избѣгнуть угнетательнаго покровительства Италіи; тогда дѣло совершалось интригами и дѣла принимали оборотъ по желанію Рима. Словомъ, военныя линіи, посреди Европы, давили, душили ее; народы грубѣли, ожесточались; надъ ними исполнилась пѣснь Царственного Пѣвца: *Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, съ неповиннымъ неповиненъ, а со строптивымъ разсратишися*. Ни союзы народовъ, ни 300,000-ная армія Аларика и Радогостя не могли ни уничтожить, ни отодвинуть этотъ военный кордонъ.

Аттила это удалось; въ слѣдствіе побѣдъ надъ Византійцами, первымъ его стараніемъ было отодвинуть Римскія границы къ Балканамъ; слѣдствіемъ его похода въ Галлію было освобожденіе Франковъ и Визиготовъ отъ вліянія Римлянъ; слѣдствіемъ его похода въ Италію было отпаденіе отъ нея Тироля, Штиріи и Пльирии. Словомъ, отъ Варны по Пиренеи, вездѣ сдвинута Аттилою пограничная линія Римлянъ. Народы Европейскіе стали дышать свободнѣе, устрояться по своему; Аттила прекратилъ навсегда политическую монополію Рима, и, только подъ прикрытіемъ его терпимости, тотчасъ стали появляться первыя кочни-

фикаціи Европейскихъ племенъ: *Lex Salica*, *Lex Ripuariorum*, *Burgundiorum*, *Alemannorum*, *Frisiorum*, *Varinorum* въ Помераніи.

Аттила скончался, и на мѣстѣ его кончины тотчасъ собранъ Конгрессъ правителей Европейскихъ народовъ, говорить его Историкъ. Это былъ и древнѣйшій Конгрессъ,—Конгрессъ Европейской свободы, независимости; Конгрессъ, на которомъ, предсѣдательствовалъ скипетръ Аттилы. Отдѣльныя кодификаціи народовъ Западной Европы, независимое развитіе обществъ Западныхъ, выводитъ наружу характеръ и образъ мыслей Аттилы—Царя Царей. Пріемники его не покушались болѣе, нежели отецъ, на свободу Запада, и это обстоятельство многимъ подамо поводъ утверждать, будто Имперія Аттилы разрушилась, распозлась вскорѣ послѣ его смерти, не смотря на то, что Карлъ велъ съ его потомками, въ Австріи и Панноніи, семилѣтнюю войну, спустя еще 350 лѣтъ.

Эти 350 лѣтъ, со смерти Аттилы по Карла Великаго, составляютъ вѣкъ *Аттилины*, вѣкъ *Кодификацій*, вѣкъ *освобожденія Европы отъ Рима*. Народы и общества установились: Франкія, Вест-Готія, Вандалузія, Общества Германскія, даже и жители Панноніи, Норика, эти *Словенцы* и *Краинцы*, со временъ Императора Августа лишенные правъ гражданской самостоятельности, со времени взятія Аттилою Аквилы, появляются въ Исторіи въ видѣ независимаго общества, и помогаютъ, такъ называемымъ, Аварамъ осаждать Царьградъ. Вѣкъ Аттилы отличается по всей Европѣ ненавистью къ Старому и Новому Риму (Царьграду), и ко всему Римскому. Если ненависть и противоборство можетъ быть сильна въ политическомъ отношеніи, то не менѣе рѣзко очерчивается оно и въ религіозномъ: Независимая Европа предалась Аріанизму; въ Старомъ и Новомъ Римѣ народы ненавидѣли вмѣстѣ и Православіе по тому именно, что оно было Римское, такъ что Аттилины вѣкъ можно назвать *Persecutio Vandalorum*, *Гоненіемъ Вандальскимъ*. Римъ, наконецъ, достигъ послѣдней точки своего униженія: Генсерикъ ограбилъ его, Осодорикъ (Великій) Велимировичъ пасылалъ ему свои указы изъ Равенны; со временъ Іустиніана Епископы Римскіе, въ случаѣ уклоненія отъ вѣрности, судимы и наказываемы были Царьградскимъ правительствомъ. Но,

Наконецъ, появился защитникъ Рима, Карлъ Великій. Греческое иго надоѣло Италіи; такъ какъ дѣла Византійцевъ, какъ на

Востокъ, такъ и въ Сициліи противъ Арабовъ, не всегда происходили счастливо, а сверхъ этого, Болгарское Царство заслоняло Италію отъ Цариграда, то Италианскіе патріоты, а въ числѣ ихъ и Римскіе Епископы, стали оглядываться; надежды свои возымѣли они на возрастающее могущество Франковъ. Уже нѣсколько разъ уличало Цареградское правительство Римскихъ Епископовъ въ политическихъ комплотахъ, не бывъ въ силахъ предупредить потерю Италіи. Извѣстно, что Равеннскій Экзархъ отнять Франками; хотя невозможно было превратить Италію въ Провинцію Франкін, но честолюбивый Карлъ умѣлъ ее оставить за собою, провозгласивъ себя Римскимъ Императоромъ. Онъ слышалъ, что Римскихъ Императоровъ (такъ назывались Цареградцы) коронуютъ Патріархи, какъ Епископы города Царствующаго. За дѣломъ не стало: Римскій Епископъ принялъ титулъ Патріарха, чтобы, по Цареградской формѣ, облечь Карла въ санъ Императорскій.

Это обстоятельство для обѣихъ сторонъ было выгодно: для Карла, въ титулѣ Императора заключалось владычество надъ Италіею; для Патріаршества Римскаго, дарованныя огромныя помѣстья. Съ того времени коронованіе сдѣлалось, на Западѣ, политическимъ обстоятельствомъ; кто хотѣлъ быть Императоромъ Римскимъ, тотъ долженъ былъ короноваться въ Римѣ, а дотолъ могъ называться только *Rex Romanorum*. Такимъ образомъ, Императоры стали имѣть нужду въ Римскихъ Патріархахъ, которыхъ и согласіе и священнодѣйствіе сдѣлалось необходимымъ для достиженія Престола. Такъ какъ, во время Имперіи, обыкновеніе всего провозглашали Императорами Гвардейскія войска, или же арміи, расположенная по провинціямъ, то, въ этомъ отношеніи, Карлъ В. вручилъ Римскимъ Патріархамъ власть Римскихъ Гвардейскихъ и полевыхъ легіоновъ!

Цареградскіе Патріархи въ той же столицѣ короновали Императоровъ, въ слѣдствіе опредѣленія Сената, или вліянія какой либо сильной партіи; но Римскіе Патріархи были въ другихъ отношеніяхъ къ Имперіи, преимущественно, когда Императорскій престолъ изъ Франціи перешелъ въ Германію. Тогда, Римскій Патріархъ былъ: 1) иностранецъ для Императоровъ; 2) Владѣтельное лицо Церковной Области; 3) судья, или даже покровитель, одного или другаго изъ претендентовъ на Императорскій престолъ. Такимъ образомъ, отношенія между Патріархами и Им-

ператорами всегда, болѣе или менѣе, запутывались, такъ что, по свойству условій, Императоры всегда находились въ зависимости. Извѣстно, сколько несприятностей наносилъ Римъ правительству Германіи, съ самаго начала борьбы между Вельфами и Гибеллинами; сколько отлученій отъ Церкви, сколько униженій предсто-яло Императорамъ !

Взявъ верхъ надъ Императорами, Патріархамъ легко было оказать свою власть и надъ Королями Франціи, Кастиліи, Арагоніи, Англіи, Шотландіи, Даніи, Швеціи, Польши, Сициліи. И здѣсь, вездѣ Патріархи, чрезъ Архіепископовъ, имѣли вліяніе на коронованіе Королей. Непослушные Государи находились всегда въ опасности быть лишенными престола и докончить жизнь свою въ заключеніи. Никогда, во время Тиберіевъ, Веспасіановъ, Траяновъ, Діоклетіановъ, не путешествовали въ Римъ владѣтели побѣжденных народовъ съ такимъ смиреніемъ, какъ, напримѣръ, императоръ Фридрихъ IV и много другихъ. Разница между тѣми и другими была та, что первые ведены были насильно, подъ конвоемъ, изъ своей страны, занятой легіонами, между тѣмъ какъ Императоръ Нѣмецкій шествовалъ добровольно, босикомъ, чтобы поцѣловать ногу Папѣ; а Датскій Король везъ съ собою драгоцѣннѣйшихъ Русскихъ соборей и лучшихъ сельдей, чтобы испросить у Папы позволеніе не ѣздить по объѣту въ Палестину. Эти новыя *тріумфы* Рима были гораздо важнѣе *тріумфовъ* Лукулловыхъ и Тиберіевыхъ, которыя насильно тащили плѣнныхъ, прикованныхъ къ колесницѣ побѣдителя: это просто значило *бить лежачаго*, тогда какъ Папы били Государей народовъ могущихъ, независимыхъ.

Не стану считать здѣсь средствъ, которыми Римскіе Патріархи пріобрѣли столь необыкновенное вліяніе. Главнѣйшее состояло въ томъ, что, сперва, стоило увѣрить жителей Западной Европы въ *непогрѣшимости* Папѣ, и въ томъ, что они суть главы Церкви и намѣстники Спасителя на землѣ (*Vicarius Jesu Christi*), какъ они толкуютъ. Но, кромѣ сего условія, важнѣйшее средство къ распространенію Папской власти была отлично и строго устроенная Іерархическая организація. Папа учредилъ для себя Сенатъ подъ названіемъ *Синди Кардиналовъ*: это достоинство выше всѣхъ прочихъ духовныхъ чиновъ; посему, Кардинальской шапки добивались, обыкновенно, первенствующіе митрополиты всѣхъ странъ Западной Европы. Такіе Кардиналы, при

посвященіи своемъ, обязывались на вѣрность своему духовному Самодержцу. Равно, Папы прибрали къ рукамъ право утверждать кандидатовъ всѣхъ Архіепископскихъ и Епископскихъ мѣстъ, такъ что настоятель всякаго прихода, зависимо отъ своего начальствующаго мѣста, непосредственно зависѣлъ и отъ Папы. Во всѣхъ странахъ въ ектеніяхъ упоминали Папу и тамъ, гдѣ не упоминали имени Государя, за исключеніемъ, можетъ быть, одной или другой страны.

Такимъ образомъ утвердилось непосредственное вліяніе Римскаго Двора и въ такихъ странахъ, въ которыя, во время языческихъ Императоровъ, ни когда не залеталъ Италіанскій воронъ.

Чтобъ укрѣпить эту безкопечную духовную организацію, простиравшуюся отъ Торнео въ Финландіи по самымъ южнымъ берегамъ Сициліи, отъ береговъ Вислы по Лиссабонъ, т. е., чтобы пресѣчь всѣ узы, которыя могутъ привязать человека къ обществу, въ которомъ онъ живетъ, Римскій Дворъ запретилъ духовенству своего Исповѣданія вступать въ супружество. Этимъ пресѣченіемъ мірскихъ отношеній между духовенствомъ и мірянами образовалась огромная іерархическая корпорація, коея неограниченнымъ повелителемъ былъ Римскій Патріархъ.

Независимо отъ этой корпораціи, которую можно бы сравнить съ дѣйствующею арміею, въ ея подкрѣпленіе учреждено было множество орденовъ монашествующихъ, на примѣръ, *Minoritae*, *Cistercitae*, *Camaldulenses*, *Franciscani*, *Dominicani*, *Piaristae*, *Premonstratenses*, *Jesuitae*, и проч., и проч. Монашествующіе имѣли свою отдѣльную отъ свѣтскаго духовенства организацію. Всякая страна имѣла изъ всякаго изъ этихъ орденовъ пзвѣстное количество монастырей; это количество того или другаго ордена управляемо было *Провинціаломъ*. Не рѣдко монастыри одной страны какого-либо ордена зависѣли отъ провинціала, жившаго въ другой, часто враждебной, области или странѣ; тогда титуловался, на пр., *Praepositus Generalis*, или *Praepositus Provincialis Ordinis B. Francisci per Ducat. N. N. et Provinciam N. N.* Монастыри по этому, большею частью, управляемы были не Эпархіальнымъ начальствомъ, а своими *Препозитами-Генералами*, которые, впрочемъ, могли относиться, въ особенныхъ случаяхъ, къ главнымъ Епископамъ той страны. Монастыри заключали въ себѣ родъ Папскаго гарнизона и представляли видъ мѣстъ, дѣйствительно укрѣпленныхъ. Изъ этихъ укрѣпленій Папы палагали на Западно-

Европейскіе народы новое иго, тяжкое, глубоко проникавшее, сильно путавшее образованность и развитіе государствъ; изъ этихъ крѣпостей, говорю я, Римъ налагалъ, навязывалъ народамъ свой Римскій, свой Латинскій, языкъ.

Положимъ, что Турки завоевали Россію: изъ всѣхъ угнетеній и притязаній, которыя они могли бы сдѣлать Россіянамъ, что могло бы быть оскорбительнѣе того, если бы они заставляли Россіянъ всѣ свои акты, исторіи, дѣла, даже поэмы, повѣсти и пѣсни писать по Турецки, и если бы, для сего, принуждали Русское юношество терять по *шести* или *семи* лѣтъ въ изученіи этого языка? Но этого примѣра не дѣлали ни Татары, владѣвшіе Россіею, ни Турки, завладѣвшіе царствами Греческимъ и Болгарскимъ; но чего не сдѣлали Турки и Татары, то сдѣлали съ Западными народами Италіанскіе патріоты.

Если бы прибылъ въ Европу Японскій ученый путешественникъ, объѣздивъ бы всю Западную Европу съ любопытствомъ обозрѣть всѣ письменные памятники народовъ *

Всякое слово можемъ объяснять двояко: а) его *происхожденіе*, словопроизведеніе; тогда мы обращаемся къ лексиконамъ, къ Грамматикамъ; б) его *значеніе* во всѣхъ его отбѣнкахъ; тогда мы обращаемся къ наукамъ. Г. Булыгинъ объяснял слово *Бояринъ* только въ первомъ отношеніи; но изъ его объясненія выходитъ, что у него *Бояринъ* не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Если *Бояринъ* былъ политическое лицо, то, объясняя значеніе этого слова, слѣдовало войти въ *политическое, гражданское* его значеніе. Но, объясняя такимъ (настоящимъ) образомъ слово, изыскатель долженъ былъ углубиться въ соображенія, которыя могли открыть ему прекрасное поприще и занятіе; тогда-то значило бы *говорить о дѣлѣ*, а не о пустомъ словѣ.

Избѣгая такимъ образомъ *пустословія*, отыскивая дѣйствительное значеніе *Боярина* въ обществѣ, преслѣдуя состояніе его во всѣхъ странахъ, гдѣ только былъ *Бояринъ*, Г. Булыгинъ сдѣлалъ бы Гигантскую услугу исторіи. Но для этого слѣдовало перечестъ всѣ уложенія *царства Болгарскаго* съ Сербіею, всѣ уложенія королевства *Венгерскаго* съ Трансильваніею и Кроаціею, всѣ уложенія Молдавіи и Валахіи, всѣ уложенія *Польши* съ Красною Русью, всѣ уложенія *Пскова* и *Новгорода Великаго*, всѣ уложе-

* Пробѣлъ.

нія царства Московскаго. Шутка ли имѣть терпѣніе перечестъ всѣхъ кнѣзъ какому-либо темному человѣку; но это для Профессора составляетъ пріятное развлеченіе, пріятный долгъ, тѣмъ больше, что всякій Профессоръ не любитъ *пустословить*. Объ этомъ прекрасно выразился и самъ Г. Булыгинъ: „Мы не должны удерживать себя отъ порывовъ дѣлать собственныя догадки, могущія служить отчасти къ *пополненію* прежнихъ розысканій, отчасти же къ *представленію предметовъ темныхъ* съ новой точки зрѣнія. Кто можетъ отвергнуть истину, что для *усовершенствованія наукъ* потребно время и *совокупные* труды, *сколь* *возможно большаго числа* людей ученыхъ?“

Я совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и, въ оправданіе сего, съ особеннымъ удовольствіемъ *совокупляю* свой трудъ съ трудомъ Г. Профессора Булыгина, *къ пополненію* розысканій.“
Мое замѣчаніе въ томъ, чтобы мы впредь построже отличали *дѣло отъ пустословія*; а второе въ томъ, что вмѣсто того, чтобы ссылаться на Пинкертонъ, Капфга, Тьерри и на *Ярловъ* Шведскихъ и Англосаксонскихъ, слѣдовало лучше переименовать всѣ кнѣзъ Уложенийъ вышеупомянутыхъ Государствъ Восточной Европы, въ которыхъ дѣйствительно употреблялось слово *Бояринъ* и имѣло свои большіе отбѣнки въ значеніи. Это было тѣмъ необходимое, что настоящая Исторія Восточной Европы также хорошо у насъ обработана, какъ и Исторія Готтентотовъ. Мы не должны забывать, что Европа исторически подраздѣляется только на двоякую, на Западную и Восточную; что Государства, общества Восточной развивались подъ *другими* и, отчасти, противоположными условіями, нежели Государства Западной. Итакъ въ числѣ этихъ Восточно-Европейскихъ условій важнѣйшую роль игралъ *Бояринъ*.

Къ несчастію, мы, Восточане, очень мало знаемъ о самихъ себѣ; но, *за то*, мы *больно* знаемъ, *дуюже* знаемъ Западъ, потому что мы читаемъ и по Французски, и по Англосаксонски, и по Исландски; у насъ Thierry, Carpefigue, Guizot, Pinkerton, какъ на ладони; за то, обо всемъ, даже о самихъ себѣ, даже о Калмыкахъ по этимъ книжечкамъ! Все, о чемъ мы умѣемъ толковать, о чемъ беремся разсуждать, ссть бѣдный, несчастный *Феодализмъ*. Не рѣдко, слова: *Феодализмъ*, *Грандъ*, *Аристократъ*, вырываются у насъ безъ связи, безъ смысла, безъ опредѣленія. Да и за это еще *спасибо* Карлу Великому, а то безъ него мы зачали бы отъ бездѣлья съ своими сосѣдами, съ Чингисханомъ, Тамерланомъ и Батыемъ!

Впрочемъ, что за польза, что затолкъ и въ толкахъ, хотя-бы самыхъ выпрепнихъ, о Феодализмѣ, объ Аристократіи, если мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о Боярствѣ Государствъ Восточной Европы? Да и возможно ли понять и оцѣнить вполне духъ Запада, не зная подробно его противоположности на Востоку, не зная, говорю я, Боярства?

Съ этой точки зрѣнія, я долженъ признаться, что Г. Булыгинъ, заговоривъ о Боярствѣ, поднялъ трудъ гигантскій; и если бы не ссылался на Шведскіе словари и Пинкертонъ, то выступилъ бы соперникомъ знаменитому Guizot; онъ бы ему выказалъ Востокъ Европы, весь его характеръ, о которомъ мало знаетъ самъ онъ, Г. Гизо; онъ изумилъ бы его, когда бы ему, Г. Гизо, доказалъ; что Французскій Король пожаловалъ его ни во что другое, какъ только въ Бояре, если велѣлъ ему засѣдать въ своей Боярской Думѣ.

По настоящему, не слѣдовало бы никому, между Казанью и Москвою, толковать о Феодализмѣ до тѣхъ поръ, пока изыскатели о происхожденіи наименованія Бояринъ не кончатъ свой подвигъ; но какъ, впрочемъ, пересыпать изъ пустаго въ порожнее есть самое невинное занятіе во время бездѣлья, то почему не толковать объ томъ всякому вдоль и поперекъ?

Какъ бы то ни было, но Боярство, какъ черта одной Восточной Европы, дѣйствительно существовало, преобладало. Эту *Grandezza Slava*, этотъ *Boyarismus* должно отличать отъ Вассаловъ, отъ Феодаловъ Латинской и Тевтонской Европы. Его хорошо оттъннить всякая, умно написанная, всеобщая Исторія Восточной Европы.

Я не намѣренъ входить здѣсь въ историческія подробности, но прибавлю еще только два, три указанія, болѣе относительно употребленія названія Бояринъ, нежели его власти и дѣяній.

Псковъ имѣлъ своихъ Бояръ, которые правили дѣлами своего города и области. Такъ, на пр., Псковской лѣтописецъ говоритъ.

Подъ 1398 годомъ: Тогожъ лѣта послаша Псковичи Князя Григорія, и Посадника Сысоя, и Романа Посадника, и иныхъ Бояръ въ Новгородъ; ониже пхавше взяша миръ вѣчный съ Новымъ Городомъ.

Въ 1410 г. Тогожъ лѣта, мѣсяца іюлія 28, Посадникъ Псковскій Ларіонъ и Посадникъ Иванъ и Микула и иныхъ Бояръ

много пѣдиша подѣ *Кириянигу*, и взяша миръ съ *Княземъ Местеромъ* и со всѣми *Пѣмцами*, а опрочъ *Новгорода* и проч.;

Въ 1461 г., *Пріѣхалъ* посолъ отъ Великаго *Новгорода* во *Псковъ*, *Посадникъ Карпъ* и дружина его, по челобитью *Пѣмцкому* и по ихъ сроку, и поѣхаша съ нимъ *Князь* и *Посадники* и *Бояри Псковскіе* на *Озоницу* и на *Жалочко*, и досмотрѣли того обидного мѣста, оже та земля и вода *Святыя Троицы*, а поганьи *Пѣмцы*, узнавши свою вину, не стаиша на тотъ срокъ, и *Князь Александръ* со *Псковичи* много ждавши поганыхъ, отѣѣхаша прочъ.

Можно видѣть, что *Бояре*, предсѣдательствуемые *Посадниками*, управляли дѣлами какъ вѣшними, такъ и внутренними. Но въ *Псковскомъ* обществѣ *Бояринъ* не представлялъ той величавости, которую онъ могъ имѣть въ политическихъ дѣлахъ болѣе обширныхъ, каковы были *Литвороссія* и *Царство Московское*.

Извѣстно, что вся почти *Южная Русь*, послѣ неудачъ и испытаній при *Рюриковичахъ*, стала снова сосредоточиваться подѣ знаменами новой *Русской Династїи*, и власть *Кіева* перенесена въ *Вильну*, потому что *Кіевъ* былъ почти на границѣ противъ *Татаръ*; такимъ образомъ *Вильна* сдѣлалась матерью *Южныхъ Русскихъ городовъ*.

Между тѣмъ, прежде еще *Красная (Червенская) Русь* присоединилась къ *Ляхамъ* въ видѣ *приданого*, и съ обидою въ правахъ малолѣтнаго наследника дому *Рюрика*. Между тѣмъ какъ *Рюриковичи* въ *Сѣверной Руси*, терзая другъ друга, подчинили почти весь *Сѣверъ* владычеству *Татаръ*; между тѣмъ какъ они же, *Рюриковичи*, самую *Южную Русь* упустили подѣ пресобладаніе *Завислянцевъ (Поляковъ)*, то *Литво-Русскій Домъ*, пригребая къ себѣ обломки *Россїи*, спасалъ ее отъ совершеннаго порабощенія. Было время, что, изъ подѣ *Вязьмы* по *Днѣстру*, *Русскій народъ* кланялся *Вильнѣ*; было времячко, что *Вильна* была *Архи-Русскій городъ*. Вскорѣ, *Литво-Русскому Дому* посчастливилось не только возвратитъ къ *Россїи Червенскую Русь*, но даже присоединитъ къ *Россїи* много странъ *Завислянскихъ*, т. е., *Ляховъ*, *Силезїю*, *Пруссїю*, часть *Померанїи*. Это точно произошло; это точно совершилъ *Литво-Русскій домъ* въ лицѣ *Ягайла*, который, обручившись съ *Ядвигою*, наследницею *Польши* и *Кра-*

снѡй Руси, взошелъ на Завислянскій престолъ подѣ именемъ *Владислава*. Такимъ образомъ, со времени соединенія Россіи съ Ляхо-Русскимъ Королевствомъ въ 1413 году, составилось огромное Государство, которое, по большому праву и преимуществу, слѣдовало всегда скорѣе называть *Россіею*, нежели *Польшею*. Все клонилось къ тому, что и Сѣверная Русь, отъ раздоровъ между Сѣверными Рюриковичами, присоединится къ этой могущественной Россіи. Было время, истинно критическое, въ которое стояло только Вильнѣ пѣтъ на престолѣ своемъ отважный характеръ, и она, можетъ быть, навсегда осадила бы Москву; и наоборотъ, Сѣверъ могъ отстоять себя подѣ строгою палицею: Сѣверъ нуждался въ грозномъ характерѣ, и Провидѣніе наслало ему Грознаго. Грозный отстоялъ Сѣверъ въ продолженіе 50 лѣтъ; Грозный наслѣдовалъ, послѣ отца, Княжество, а оставилъ, послѣ себя, Царство. Въ Грозномъ слилась кровь двухъ современныхъ Русскихъ Династій, Гедиминовская и Рюриковская; по прекращеніи Ягайловичей, Россія (Литва) звала грознаго Москвитянина на свой Всероссійскій престолъ; въ этомъ интересовался весь Русскій народъ отъ Ладоги до Карпатскихъ Альновъ. Но Римская Пропаганда уязвила Русскій народъ въ живѣйшемъ, въ самомъ народномъ, его дѣлѣ; она возвела на Россійскій престолъ домъ Шведскій и Езуитовъ, и тѣмъ отложила соединеніе Россіянъ на нѣсколько сотъ лѣтъ (съ 1815 года). Можетъ статься, что вышцется еще кака-либо Пропаганда, которая будетъ толковать, что Вильна и Люблинъ не Русская земля, а невѣжество станетъ этому сприть и поддакивать.

Но не будемъ невѣждами, и обратимся къ слову. Ляхи находились отъ Гедиминовичей въ большой опасности, нежели Москва; они находились въ опасности обрусѣть. Ягайловичи или Русская Династія на Польскомъ престолѣ, дѣйствительно оказывали сильное пристрастіе къ своей Россіи: всѣ тѣ преимущества, которыми пользовалось Польское дворянство, Ягайловичи предоставили и Русскому Дворянству въ Польшѣ; но, на оборотъ, неохотнѣе давали они привилегіи Полякамъ въ своей Россіи. На Казимира IV до того даже негодовали Поляки за его чрезмѣрный Руссизмъ, что хотѣли было помышлять о другомъ Королѣ. И Уніа и гоненіе на Русь начато только Династіею Шведскою или Вазы, со времени Жигмунта III-го. Судьба

хотѣла, чтобы скипетръ, и креслы, и свѣтлица Владиміра Великаго, и Ярослав мудраго, и Мономаха воинственнаго, перешли въ руки потомковъ Густафа Вазы; Владиславу же IV едва было не досталась и паллица Грознаго!

Такъ какъ *Вильна* гораздо скорѣе и быстрѣе устроилась политически, нежели *Краковъ*, или *Москва*, то она и вниманіе историка должна обратить на себя, прежде, нежели *Краковъ* или *Москва*. Замѣчательно, по крайней мѣрѣ, то, что и *Краковъ* и *Москва*, въ юридическомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, отчасти подвергались вліянію *Вильны*.

Не смотря на политическое свое соединеніе съ Королевствомъ Ляхо-Русскимъ, Россія эта (Литво-Россія), въ правительственномъ отношеніи, всегда была отдѣльна отъ Короны Польской: она имѣла свои отдѣльныя министерства, и отдѣльные финансы, отдѣльныя войска, отдѣльные сеймы; этого мало, Литво-Россія имѣла отдѣльное свое *Уложеніе* или *Конституцію* (*Статутъ*), писанное по *Русски* такъ, какъ и всѣ акты и бумаги ея, отъ начала до конца, всегда писались по *Русски* (но не по Московско-Русски). Сами Короли Литво-Русскаго Дому выдавали, въ *Краковѣ*, по *Русски* свои постановленія, относительно дѣлъ Литво-Россіи.

Первый зародышъ вольности Польскаго дворянства оказывается при Казимирѣ В., но больше еще распространить ихъ король *Лудовикъ* Венгерскій и Польскій, тестъ Владислава Ягайлы. Главная причина этому была та, что *Лудовикъ* хотѣлъ привлечь Поляковъ въ пользу дочери своей, *Ядвиги*; по этому и уравнивалъ Поляковъ въ правахъ съ правами дворянства Венгерскаго. Литво-Русскій домъ продолжалъ оказывать Полякамъ свои милости.

Россія имѣла уже свое *Уложеніе* прежде Поляковъ и самыхъ Венгровъ, свою *Русскую Правду*; но дальѣйшее устройство общественное Россіи не могло совершиться въ томъ безначаліи, въ безглавіи, въ которое вовлекли ее Рюриковичи. Можно было предвидѣть, что когда-либо воспослѣдуютъ въ Россіи новыя *Уставы*. Литво-Россія сперва, какъ и всѣ другія Государства, управлялась больше *обычаями*, т. е., законами неписанными (*legibus consuetudinariis*). Первые *права* и преимущества происходили отъ Велико-Княжеской милости и благоусмотрѣнія. Первое

право дворянина было судить и рядить, и давать правду землянину отъ имени Велико-Княжескаго.

Конечно, многія наказанія увѣковѣчились въ обычаяхъ; за извѣстные проступки налагались извѣстныя пени, за извѣстныя отношенія извѣстныя дани. Такъ, на примѣръ, подать *севверками, кунницами*, существовавшая въ Россіи до Христіанства, продолжалась до недавнихъ временъ, по лѣсной части Южной Руси, за позволеніе бракосочетанія.

Однако, такъ какъ оцѣнка наказанія происходитъ отъ оцѣнки вины, и какъ въ разныхъ проступкахъ бываютъ безчисленные оттѣнки, и какъ вся масса оцѣнщиковъ или судей была весьма разнообразныхъ способностей и характера, то дѣла наказательныя и правосудіе не могло быть предохранено отъ кривосудія и обидъ. Вотъ почему взвѣшеніе и оцѣнка всѣхъ оттѣнковъ въ проступкахъ и отношеніяхъ была всегда и самою трудною, и самою необходимою наукою народовъ. Надобно имѣть самое доброе и, вмѣстѣ, самое безпристрастное сердце, чтобы быть вѣрнымъ цѣнителемъ; этого мало, надобно имѣть самый проникательный, ясный и обширный умъ, чтобы обозрѣть все, почти необозримое, царство случаевъ въ дѣлахъ человеческихъ; это для того, чтобы во всемъ этомъ царствѣ была одна пропорція въ оцѣнкѣ. Это трудъ гигантскій и вмѣстѣ геніальный. Римляне, въ продолженіе болѣе 1200 лѣтъ, трудились и копили новыя замѣчанія и постановленія, пока, наконецъ, родился изъ этого вѣковаго наблюденія *Кодексъ Императора Іустиніана*. Я хотѣлъ только сказать, что дорого достается народамъ *Праведное Уложеніе*, которое бы обняло до послѣдней жилинки общественной жизни, какъ *Анатомія, Физіологія и Паталогія, человѣческой*.

Всякая литература начиналась *Поэзіею*; Законодательство или кодификація начиналась *карательными мѣрами*. Общество похоже на человѣка, на котораго можемъ дѣйствовать, въ его младенчествѣ, не столько убѣжденіемъ, сколько наказаніемъ. По мѣрѣ образованія народа уменьшаются и измѣняются и наказанія. И дѣйствительно, есть народы, которыхъ убѣдить можно только палками, и есть народы, для которыхъ слово, или простой крестъ, дѣйствуетъ не хуже палки. Такимъ образомъ, *lex Salica, Ripuariorum, Burgundionum, Alemannorum*, и другія древ-

пѣйшія *Правды* Европейскихъ племенъ были очень неполныя и недостаточныя Уложенія, потому что заключали въ себѣ почти одни каранія.

Такимъ образомъ и Саксонское древнѣйшее право (*Sachsen Spiegel*) составлено частнымъ лицомъ (Ерко Рерковъ) въ 1215—1235 годахъ, и заключаетъ въ себѣ, большею частью, карательныя обыкновенія. *Schwaben Spiegel* собрано какимъ-то монахомъ въ 1268 и 1282 годахъ. Другіе, какъ *Altfriesisches*, *Bairisches* 1346; *Nord-Friesisches* 1426; *Ditmarsches* 1447, и другія позднѣйшихъ временъ, представляютъ собранія обычаевъ, сдѣланныя частными лицами; но въ этихъ собраніяхъ не было ни системы, ни полноты, ни общей связи; даже сама Франція до Наполеона не имѣла ничего, кромѣ *Pays du droit coutumier* и *Pays du droit civil*; первое состояло изъ собранія обычаевъ и, отчасти, изъ Королевскихъ постановленій, а послѣднее изъ *Codex Justiniani*, Римское Право.

Но полныя систематическія Государственныя Уложенія въ Западной Европѣ начались въ наше только время: Прусское съ 1792 года; Французское (*Codex Napoléon*) съ 1804 года; Баварское съ 1811 года; Австрійское съ 1812 года; Англичане и доселѣ не имѣютъ полнаго Уложенія, ибо ихъ *the Common Law* есть собраніе обычаевъ XI вѣка; и только въ 1828 году назначили они комиссію для пересмотрѣнія Законовъ.

Но обратимся къ Восточной Европѣ. Чапловичъ говоритъ, что и въ Венгріи были въ старину такія собранія, какъ Салическіе законы, или капитуларіи Карла Великаго. Но полное, систематически обработанное и Сеймомъ утвержденное въ началѣ XVI вѣка (1504) Уложеніе или *Codex* былъ трудъ Вербовецкаго (*Verböczy*), „между тѣмъ,“ прибавляетъ онъ, „какъ всѣ другія государства Европы по исходѣ XVIII вѣка должны были по соблать себѣ однимъ Каноническимъ и Римскимъ правомъ.“ См. *Ungerns Vorzeit und Gegenwarth. Wien, 1830, стр. 52—53.*

Мы должны, однако жъ, здѣсь замѣтить, что Чапловичъ ошибается, если полагаетъ, что одна Венгрія прежде всѣхъ Европейскихъ Государствъ устроила свое Уложеніе, свой Кодексъ. Довольно рано началось и Государственное Уложеніе Литво-Россіи; уголовное ея Уложеніе одобрено Казимиромъ IV въ 1492 году. Король Жигмунтъ I (Ягайловичъ) повелѣлъ, въ 1522 году, при-

вести въ одинъ Кодексъ и въ извѣстный порядокъ все Законы, привелегіи и постановленія Литворускаго народа. Этотъ Кодексъ, извѣстный подъ именемъ перваго *Литовскаго Статута*, писанъ по Русски, подтвержденъ Королемъ, сталъ имѣть силу закона съ 1-го Января, 1530 году.

Но, какъ въ этомъ Статутѣ оказались нѣкоторыя противорѣчащія постановленія, и даже недостатки, то, по повелѣнію *Жигмунта Августа*, Сеймы Бѣльскій (Въ 1564) и Виленскій (1566) снова рассмотрѣли, дополнили этотъ Статутъ, который, отчасти, извѣстенъ подъ названіемъ *Вильнскаго Статута*; * онъ писанъ по Русски и раздѣленъ на 14 отдѣленій.

Такъ какъ въ Статутѣ находились такія постановленія, которыя не допускали совершеннаго присоединенія Литвороссіи къ Польской Коронѣ (на пр., что Полякамъ воспрещалось владѣть имѣніемъ въ Литвороссіи вслѣдствіе приданого, или покупать безъ разрѣшенія Литво-Русскаго Сената и Депутатской Камеры и т. п.), то Вазы, восшедши на Престолъ, обязались дѣйствовать всеми силами въ пользу короны и Католицизма. Главнѣйшею мѣрою въ этомъ отношеніи нашли въ томъ, чтобъ устранить, или умягчить, воспретительныя (для Поляковъ и Католиковъ) постановленія въ Литво-Русскомъ Статутѣ. Для этого, по повелѣнію *Жигмунта III* (Вазы), наряжена была Коммиссія изъ Литво-Русскихъ Депутатовъ. Въ слѣдствіе измѣненій и пополненій составилъ *третій или новѣйшій Статутъ* Литво-Россіи, утвержденный 28 Января, 1588 года.

Въ слѣдствіе этой реформы въ Государственныхъ постановленіяхъ Южно-Русскаго Государства, въ слѣдствіе, такъ называемаго, *исправленія правъ наслѣдства*, былъ открытъ и облегченъ Полякамъ и Католикамъ путь въ нѣдра Литво-Россіи и самой Красной Руси. Съ тѣхъ поръ только стали появляться на Руси Католическіе мужья, которые, съ 1600 годовъ, стали строить Католическіе монастыри разныхъ орденовъ за свое душеспасеніе. Эти монастыри, умножаясь въ послѣдствіи, представляли настоящія Ложы тайной пропаганды. Такимъ образомъ, со времени Шведской Династіи на престолъ одного изъ Русскихъ Го-

* Виленскаго?

сударствъ, начинается эпоха соблазновъ, домашней нечестности и преслѣдованій, которыя отравляли жизнь большей половины Русскаго народа, отъ Витебска до границы Молдавіи и Карпата. Но это будь сказано въ скобкахъ.

Сѣверная Русь или Царство Московское не уступало ни Венгріи, ни Ляхо-Россіи, ни Литво-Россіи въ направленіи къ общественному устройству; ибо въ то же время, когда Сеймы Венгерскій, Польскій и Литво-Русскій занимались кодификаціями, и Царь Іоаннъ Васильевичъ принялся *Густиніанствовать*, и палата Бояръ Московскихъ уложила извѣстный *Судебникъ* Царя Іоанна Васильевича. Конечно, могло быть тогда не мало людей въ Москвѣ, которые не много или почти вовсе не отвѣдывали Юриспруденціи; однако, я полагаю, что здравый смыслъ человѣческій былъ одинъ и тотъ же во всѣ вѣки и эпохи человѣческаго мышленія; и на оборотъ, и нынѣ могутъ встрѣтиться Бояре со слабыми головами, точно такъ же, какъ и во время Іоанново. Впрочемъ, въ формѣ и изложеніи кодификаціонномъ Москвѣ пособила Вильна. Знаемъ, что Литвороссы имѣли великое вліяніе на дѣла Московскія, и что не одинъ Литво-Русскій Дьякъ вступалъ въ службу Московскую, гдѣ грамотность не была еще въ такомъ ходу, какъ въ Южной Россіи. Можетъ быть даже, опытные филологи найдутъ не мало Литворуссизмовъ въ слогѣ Іоаннова *Судебника*.

Въ послѣдствіи, *Судебникъ* пополненъ, объясненъ, преобразованъ при Цесарѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ*, и переименованъ въ *Уложеніе* (*Institutiones*). Нынѣ отечественная Юриспруденція (*Уложеніе*) доведена до той системы, усовершенена до той точки, въ которой видимъ *Сводъ Законовъ*, какъ плодъ попеченія Русскихъ Монарховъ.

Итакъ, Восточная Европа, въ общественномъ своемъ устройствѣ, была сама себѣ примѣромъ; она опередила Западную цѣлыми столѣтіями. Это отъ того, что въ Восточной Европѣ преобладало только *Боярство*.

Что же такое *Бояринъ*? Чтобы объяснить это слово, мы должны прежде объяснить себѣ вопросъ: *Почему Западная Европа такъ далеко отставала отъ цивилизаціи Москво-Россіи, Литво-Россіи, Ляхо-Россіи и Венгріи?* (Положимъ даже, что этотъ вопросъ не много покажется парадоксическимъ).

Всѣ общества Западна управлены были двумя властями, Папскою и Королевскою, Духовною и Свѣтскою; Государства Восточной управлялись одною единою, *единодержавіемъ*.

Римляне никогда не владѣли по сію сторону Рейна и Дуная, и большая часть народовъ Европы знала о нихъ только по наслышкѣ; ихъ тогда, обыкновенно, называли *Волохами*. Но, если бы эти Волохи завладѣли всемъ до Невы и до Лапоніи, если бы они вездѣ построили крѣпости и цитадели для своихъ легіоновъ, если бы изъ этихъ крѣпостей распространяли свое судопроизводство и всѣ дѣла заставляли бы производить на Римскомъ языкѣ, если бы, наконецъ, собирали подать и посылали въ Римъ, то Исторія сказала бы, что всѣ эти страны находились подъ игомъ Римлянъ. Но, что не успѣли сдѣлать Римскіе легіоны, то совершили легіоны Бернардиновъ, Цистерцитовъ, Францискановъ, Доминикановъ, Піаристовъ, Миноритовъ, Езуитовъ и другихъ. Слѣдовательно, Западная и Сѣверная Европа, буквально, снова находилась подъ игомъ Рима до самой Лапоніи. Власть Рима поддерживала отлично хорошо организованная Духовная корпорація по всему Западу; эта корпорація имѣла вездѣ лучшія гражданскія права и преимущества: Трибуналъ ея доходилъ во многихъ мѣстахъ до терроризма (Инквизиціи).

Этого-то ига не знали Славянскія Государства, и ихъ общественность могла развиваться безпрепятственно, свободно. Но, какъ было развиваться кодификаціи Западныхъ Государствъ, если постоянно угрожала и мѣшала ей Каноническая кодификація, которая также всемъ могла завѣдывать, какъ и свѣтская; ибо, что на языкѣ Гражданскомъ называется *преступленіемъ*, то на языкѣ Каноническомъ очень достаточно именуется *грѣхомъ*.

Почти половина затрудненій въ человѣческихъ отношеніяхъ разрѣшались въ Римѣ; помнится даже, что, во время Стефана Баторія и Іоанна Грознаго, Князь Христофоръ Радивилъ долженъ былъ просить позволенія, словно паспорта, у Папы на путешествіе въ Іерусалимъ. Сколько Порты ни деспотичествуетъ, но она никогда не воспрещала своимъ Христіанскимъ подданнымъ ѣздить въ Іерусалимъ, даже и билетовъ для этого не вводила.

Подробная исторія Католическихъ Государствъ покажетъ вамъ, что Римъ непосредственно управлялъ ими, и, въ понятіи народовъ, идея Папы была выше и священнѣе, нежели поня-

тія о вѣнценосцѣ, какъ шефъ или главѣ народа, и о его правахъ. Такъ какъ Григорій VIII прекратилъ всѣ узы, которыя могутъ связывать человека съ обществомъ, запретилъ вступать въ бракъ, то все духовенство вдругъ образовало сильную корпорацію, которой всѣ интересы сосредоточены были въ пользу Рима. Отрѣзанные отъ міра, они не принадлежали болѣе отечеству; вѣра въ непогрѣшимость Папы, строжайшая дисциплина, и ужасная клятва, дѣлала изъ нихъ вѣрныхъ воиновъ *Orbis Dominae*; они образовали страшный воинствующій классъ, который и самые ихъ учителя называли *Ecclesia militans*.

Это воинство, собственно, не Спасителя, а Рима, управляя непосредственно народами въ самыхъ потаенныхъ его закоулкахъ, имѣло всѣ возможные средства къ поддержанію себя. Одно изъ нихъ было, введенное въ Іерархію, *Духовное мѣстничество*, т. е., аристократія; было постановлено (хотя и неодинаково во всѣхъ странахъ), что въ высшія духовныя мѣста могутъ быть возведены только Герцоги, Князья, Графы и Бароны: плебеи осуждены были на вѣчное капланство. Духовная аристократія завладѣла всѣми важнѣйшими Государственными мѣстами; во всякой странѣ Президентъ Сената, или Сейма, непременно былъ Архіепископъ, что и называлось *Primas Regni*; Канцлеръ Королевствъ тоже Архіепископъ; Другіе Епископы были Членами Сенатовъ, Высшихъ Палатъ и другихъ Правительственныхъ свѣтскихъ мѣстъ. Стоитъ заглянуть въ Государственные акты всякой Западной страны, чтобы обмѣрить глазами всю силу и вліяніе, которое имѣло на ходъ общихъ дѣлъ какъ Гражданскихъ, такъ и политическихъ.

Короли и народы находились всякій разъ въ опасности имѣть сомнительныхъ слугъ отечества; ибо люди, лишенные всѣхъ узъ и ощущеній, данныхъ природою супругу и отцу семейства, тѣмъ сильнѣе бросились на оставленную имъ одну толку страсть — честолюбіе, чиновлюбіе. Епископская, Архіепископская, Кардинальская шапка были такія вещи въ глазахъ лишенныхъ всего, за которыя не одинъ сынъ отечества дѣйствовалъ въ пользу Італіи, вопреки интересамъ своего отечества.

Духовенство подало собою мірянамъ примѣръ стремиться къ исключительности и нетерпимости. Дворянство переняло преслѣдовательный духъ Римской Церкви.

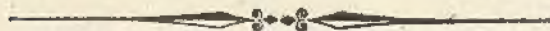
У всѣхъ Католическихъ народовъ духъ дворянства былъ одинъ и тотъ же. Духовные Аристократы, духовные Рыцари, духовные Ордена до того умножили свои мірскія средства, что Короли и народы должны были думать о самихъ себѣ. Папская область представляла духовную монархію; въ подражаніе Папамъ, и примасы разныхъ странъ задумали устроить себѣ свои монархійки въ своемъ отечествѣ. Были страны, въ которыхъ третья часть Государства принадлежала монастырямъ и Высшему Духовенству; въ Германіи даже образовались Церковныя области, какъ, на пр., Архіепископство *Кельнское* и *Трирское* (*A-Erratus Coloniensis et Trevirensis*). Эти архіепископы имѣли и свѣтскую власть и достоинство Курфирстовъ, такъ какъ принадлежали къ числу *избирателей* (*Electores Imperatoris*); не скажу уже о множествѣ богатыхъ аббатствъ, равнявшихся богатствомъ съ небольшими нынѣшними Герцогствами или Княжествами.

Короли и вассалы дарили имѣнія монастырямъ вмѣстѣ съ властью, т. е., исключали такія имѣнія изъ-подъ своего или общаго Правосудія, предоставивъ Аббатамъ *судить* и *рядить* новыми подданными съ верховною властью. Примѣру Духовныхъ послѣдовали и міряне; *все лѣзло въ гору*: Бароны въ Графы, Графы въ Князья, въ Маркъ-Графы, Ландграфы, эти въ Герцоги, эти въ Великіе Герцоги и, наконецъ, въ Избиратели. Всякій старался выбраться изъ-подъ общаго уложенія, исключиться изъ-подъ общаго закона, всякій домогался *высшей степени*, неотвѣтственности, *личнаго исключенія*: это значило *privilegium* (лишеніе закона, исключеніе изъ закона, отъ слова *privo*, лишаю *lege*).

Множество такихъ *исключенныхъ* изъ-подъ закона имѣла Германія, Франція, Англія, Швеція, Данія; они судили и рядили у себя на жизнь и на смерть по своему *благоусмотрѣнію*, потому что не было у нихъ общаго Государственного Уложенія. Многіе Короли должны были вооружаться противъ злоупотребленія этихъ личныхъ правъ небольшихъ владѣтелей, располагать *жизнію* и *смертію* своихъ данниковъ. Но для этого надобно было имѣть сильный характеръ, потому что это значило нарушать права и вольности благородныхъ Бароновъ. Кромѣ права на жизнь и смерть другихъ, они имѣли и право *личной неприкосновенности* со стороны правосудія, потому что преимущественно въ этомъ состояло ихъ исключеніе изъ-подъ закона.

Вообще, *изъятыя* изъ-подъ Закона въ Западныхъ странахъ составляли вторую сильную (мірскую) корпорацію. Эта корпорація горю стояла за свою личную неприкосновенность и за свою частицу верховной власти. Корпорація Церковная не могла парализовать этого ключа къ злоупотребленіямъ, даннаго Аристократамъ, потому что Каноническое право не распространялось на отношенія между верховною властію и Аристократами; но, за то, Короли неоднократно боролись съ Аристократією, хотя, впрочемъ, съ перемежающимися успѣхами.

Папы сильнѣе дѣйствовали на это сословіе; они его поражали *анаѳимой* и *отлученіемъ отъ Церкви*; они цензоровали и входили даже въ семейственную, супружескую жизнь этихъ *великоможныхъ* господъ, и позволяли собирать для себя деньги въ приходахъ ихъ имѣній. Не рѣдко, однако, оказывалась борьба между Духовенствомъ и Аристократами; тогда Правительство и сами Короли совершенно почти терялись въ этой суматохѣ и враждѣ сильныхъ земли. По характеру своему, обѣ партіи были непріязненны какъ Королямъ, такъ и развитію общей Кодификаціи. *

* Продолженіе не отыскано. И Молнаръ.

2007056738